

Межэтнические различия в разводимости на Северном Кавказе

Кирилл Олегович Чертенков
(kchertentkov@hse.ru), Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия.

Interethnic differences in divorce rates in the North Caucasus

Kirill Chertentkov
(kchertentkov@hse.ru),
HSE University, Russia.

Резюме: Северный Кавказ – один из самых полиэтничных регионов в России, поэтому он интересен исследователям-демографам с точки зрения поиска межэтнических различий в брачно-репродуктивном поведении, а также выявления причин таких различий. Однако большинство работ ограничиваются показателями брачности и рождаемости и обходят стороной тему разводимости. Данная статья посвящена выявлению межэтнических различий в разводимости среди одиннадцати наиболее многочисленных коренных народов Северного Кавказа (республики Дагестан, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) во второй половине XX и начале XXI века. Основными источниками данных служат микроперепись населения России 1994 г., а также Всероссийская перепись населения 2010 г. (ВПН-2010). Для расчётов использованы: 1) показатель накопленной разводимости для реальных поколений 1939–1948, 1949–1958, 1959–1968 годов рождения; 2) доля разведённых мужчин и женщин на момент ВПН-2010; 3) расчёт средней ожидаемой продолжительности пребывания в состоянии развода. За исследуемый промежуток времени межэтнические различия сокращаются: наибольший рост в показателях разводимости демонстрируют народы с меньшим начальным значением, однако конвергенции на 2010 г. по-прежнему не наблюдается.

Ключевые слова: Северный Кавказ, межэтнические различия, демографическая модернизация, разводы, когортный анализ.

Благодарности: Неоценимый вклад в поиск темы исследования и данных для него оказал Константин Игоревич Казенин, являвшийся научным руководителем моей магистерской диссертации, из которой и выросла данная статья. Разумеется, он не несёт ответственности за недостатки работы.

Для цитирования: Чертенков К. О. (2023). Межэтнические различия в разводимости на Северном Кавказе. Демографическое обозрение, 10(2), 41-62. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17765>

Abstract: The North Caucasus being one of the most multi-ethnic regions in Russia, it is of great interest to demographers in the study of social modernization, which began later here than elsewhere in Russia. Social modernization in the North Caucasus took place in a heterogeneous way, due to the non-simultaneous migrations of peoples from the mountains to the plains and from rural areas to cities. Most works on the subject, however, are limited to marriage and fertility rates and ignore the topic of divorce. This article explores interethnic differences in divorce rates among the 11 most numerous indigenous peoples of the North Caucasus (the republics of Dagestan, North Ossetia-Alania, Kabardino-Balkaria, and Karachay-Cherkessia) in the second half of the 20th century and at the beginning of the 21st century. The main sources of data are the Russian Population Microcensus of 1994, as well as the All-Russian Population Census of 2010. The calculations are the following: 1) the cumulative divorce rate for real generations born in 1939-1948, 1949-1958, 1959-1968; 2) the proportion of divorced men and women at the time of the 2010 Census; and 3) the average expected duration of divorce. Over the time period under study, interethnic differences in divorce rates shrink – the largest increase in divorce rates is demonstrated by ethnic groups with smaller initial values, but there is still no convergence as of 2010.

Keywords: North Caucasus, interethnic differences, demographic modernization, divorce, cohort analysis.

Acknowledgments: An invaluable contribution to the search for the research topic and data for it was provided by Konstantin Igorevich Kazenin, who was the supervisor of my master's thesis, from which this article grew. Of course, he is not responsible for the shortcomings of the work.

For citation: Chertentkov K. (2023). Interethnic differences in divorce rates in the North Caucasus. Demographic Review, 10(2), 41-62. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17765>

Введение

Северный Кавказ – один из наиболее полиэтничных регионов Российской Федерации, для демографов особый интерес вызывает «запаздывающая» по сравнению с остальной Россией социальная модернизация, которая здесь проходила неоднородно в связи с одновременными переселением народов с гор на равнину и миграцией в города из сельской местности (Белозеров 2005; Карпов, Капустина 2011).

Сегодня Северо-Кавказский федеральный округ является наименее урбанизированным в России, доля сельского населения в национальных республиках Северного Кавказа до сих пор составляет от 37% в Северной Осетии до 62% в Чечне при среднероссийском показателе 25%. Тем не менее на Северном Кавказе всё же идёт процесс демографической модернизации: поколенческие и гендерные иерархии ослабевают, а роль семьи постепенно становится важнее роли местного сообщества (Стародубровская 2019); однако процесс распада сельского образа жизни ещё не завершился (Казенин, Козлов 2017).

Демографическая модернизация подразумевает ослабление межэтнических различий в матримониальном и репродуктивном поведении, так как представители разных народов встречаются с одинаковыми социальными потрясениями и отходят от консервативных норм, унаследованных от предков (Härkönen, Billingsley, Hornung 2020). Однако межэтнические различия могут длительное время сохранять и устойчивость (Parrado 2011; Yavuz 2006; Казенин, Сороко 2021).

Большинство статей о разводимости посвящено либо отдельным страновым кейсам, либо поиску различий между странами, но никто ещё не акцентировал внимание на межэтнических различиях в полиэтничных регионах (по крайней мере, нам таких статей найти не удалось). Например, в (Philipov, Dorbritz 2003) авторы исследовали влияние перехода к рыночной экономике в странах Центральной и Восточной Европы в 1990-е годы на демографические показатели; в том числе они предположили связь между ростом числа разводов и изменением возрастной структуры в брачности. В более актуальной работе (Härkönen, Billingsley, Hornung 2020) исследователи сконцентрировались на влиянии распада Восточного блока и перехода к рыночной экономике конкретно на разводимость. Авторы сравнивают семь постсоциалистических стран, включая Россию, и приходят к выводу, что на некотором этапе перехода увеличение числа разводов имело место быть в каждом из случаев, причём рост этот нельзя объяснить изменением структуры брачности. Для России резкий рост числа разводов пришёлся на 1996–2000 гг., что совпало по времени не только с экономическим коллапсом, но и с существенными изменениями в регистрационной практике разводов, а потому действительные тенденции разводимости в этот период остаются под вопросом (Захаров 2008). Изучение разводимости в реальных когортах на основе выборочных исследований свидетельствует в пользу продолжения исторических тенденций увеличения разводимости в России с возможностью стабилизации в последние годы на одном из самых высоких уровней в мире (Чурилова, Захаров 2021).

Исследования межэтнических различий брачного и репродуктивного поведения на Северном Кавказе

Тема семейных отношений занимает отдельную нишу как в демографии, так и в социологии. При этом большая часть исследований посвящена брачности и рождаемости

как основным и наиболее очевидным факторам, влияющим на естественное движение населения. Вместе с тем неотъемлемой частью процесса воспроизводства брачной структуры населения, помимо брачности, является разводимость (также есть процесс овдовения, но он скорее связан с исследованиями смертности и половых различий в ней) (Ткаченко 2013: 633).

Северный Кавказ является специфическим регионом с точки зрения демографических показателей. Например, в Республике Дагестан завершение первого демографического перехода, в отличие от большинства известных случаев, не сопровождается повышением среднего возраста матери (Казенин, Козлов 2016), что, по всей видимости, связано с усилением влияния ислама в регионе, в том числе влияния на жизнь дагестанских сёл религиозных авторитетов (Казенин, Козлов 2016; Казенин, Козлов 2017). Интересны и данные исследования по Карачаево-Черкесии (Казенин 2019), где у карачаевцев обнаружилась более поздняя, по сравнению с остальными автохтонными народами республики, брачность, что связано с их более традиционным семейным укладом. Данная зависимость также противоречит теории демографической модернизации, где повышение возраста старта материнства сопутствует отходу от традиционных установок (Bongaarts 1999). Поэтому нам видится важным сделать обзор исследований, посвящённых Северному Кавказу. Так как тема разводов является не слишком популярной в научной среде, здесь мы постараемся вспомнить статьи, посвящённые в целом матримониальному поведению народов Северного Кавказа.

Для республик Северного Кавказа и особенно Дагестана характерно раннее, по сравнению с остальной Россией, вступление в брак (Казенин, Козлов 2017) и рождение первого и последующих детей, причём средний возраст матери при рождении первого и второго детей в Дагестане с начала 2000-х годов почти не меняется и даже идёт вниз, в отличие от России в целом, где он постепенно повышается – в итоге разница между данным показателем в России и Дагестане при рождении первого ребёнка в 1989 г. составляла 0,7 года для первого ребёнка и примерно 1 год для второго, а к 2015 г. увеличилась до 1,85 (первый ребёнок) и 3,2 (второй ребёнок) года. Дополнительного интереса добавляет тот факт, что, несмотря на различия Дагестана и остальной России по возрасту вступления в брак и возрасту материнства, коэффициенты суммарной рождаемости и брачности здесь не слишком «вырываются вперёд» относительно среднероссийских (Казенин, Козлов 2017). Хотя в данном случае нельзя исключать влияния на показатели завышенного знаменателя – населения (Богоявленский 2008; 2012).

В работе (Казенин, Козлов 2017) авторы приходят к выводу, что в Дагестане присутствует обратная связь между личной религиозностью женщины и возрастом её вступления в брак. Повышает же возраст вступления в брак фактор женского профессионального образования, а также наличие у женщины работы вне домохозяйства. Такое же влияние перечисленные факторы (кроме религиозности, влияние которой в этот раз получилось незначительным) оказывают и на возраст рождения первого ребёнка. Религиозные, менее образованные и не имеющие работы женщины раньше рожают второго ребёнка. Интересной оказалась связь с брачно-репродуктивным поведением межпоколенческих иерархий: оказалось, что при более сильном их влиянии возраст вступления в брак и возраст рождения детей увеличивается.

Похожее исследование проводилось и на основе опроса женщин в Карачаево-Черкесии (Казенин 2019). Анализ результатов опроса выявил отрицательное влияние на

факт вступления в брак уровня образования и наличия у женщины работы. Более удивительным оказалось положительное влияние традиционного семейного уклада на возраст вступления в брак и на возраст начала материнства у карачаевцев. Фактор проживания в сельской местности не оказал значимого влияния на матримониально-репродуктивное поведение.

Интенсивная миграция коренного населения в города в республиках Северного Кавказа началась во второй половине XX века и происходила неодновременно; в случае Дагестана – в 1980-х – 1990-х годах, на начало XXI века более половины городских жителей Дагестана являются либо внутрирегиональными мигрантами из села, либо их потомками во втором и третьем поколениях; почти все городские поселения данной республики, в отличие от сёл, полиэтничны, при этом доля межэтнических браков среди местных народов невелика (Сороко 2016).

В статье (Kazenin, Kozlov 2023) авторы исследовали связь процесса урбанизации с рождаемостью в Дагестане, в том числе проверяли гипотезы о сохранении межэтнических различий в разводимости у потомков мигрантов из села в город, а также связь таких межэтнических различий с уровнем образования у женщин. В результате анализа выяснилось, что у потомков мигрантов из села в город межэтнические различия в рождаемости оказались ниже, чем у жительниц села; связь между рождаемостью и наличием высшего образования и работы у женщин оказалась отрицательной.

Анализ выборки из женщин – представительниц наиболее многочисленных народов Дагестана в возрасте 30–50 лет (на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. – ВПН-2010) показал, что среди азербайджанцев, лезгин и кумыков доля городских жителей ещё до начала массовой миграции в города была выше, чем среди аварцев, даргинцев, лакцев и табасаран (Kazenin, Kozlov 2023).

У лакцев и лезгин оказалась большая доля женщин с высшим образованием (53,1 и 45% соответственно, у представительниц других народов – менее 35%) и имеющих работу (69,5 и 64,5% соответственно, немногим меньше у кумычек – 63,8%), что может быть связано с их более ранней миграцией в город; одновременно с этим у данных двух народов оказались и более низкие показатели рождаемости по сравнению с остальными. В свою очередь, у табасаран миграция из горных селений в города началась гораздо позднее, чем у большинства других дагестанских народов, и на момент ВПН-2010 уровень образованности и занятости у табасаранских женщин оказался гораздо ниже среднего (30,3 и 51,8% соответственно), а показатели рождаемости, напротив, выше (Kazenin, Kozlov 2023).

В (Казенин, Сороко 2021) исследованы межэтнические контрасты по возрастным характеристикам вступления в брак между народами Северного Кавказа – в данном случае внимание было уделено представителям не одной республики, а сразу четырёх: Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Среди народов Дагестана наиболее ранняя брачность замечена у табасаран, наиболее поздняя – у лакцев (касается как мужчин, так и женщин, но у женщин брачность накапливается быстрее). Среди народов других трёх республик брачность быстрее накапливается у кабардинцев, черкесов и абазин по сравнению с балкарцами и карачаевцами. Анализ и сопоставление данных Микрпереписи населения России 1994 г. (МП-1994) и ВПН-2010 показали, что межэтнические контрасты по возрасту вступления в брак у народов Северного Кавказа

существовали во второй половине XX века и сохранились на момент ВПН-2010, однако заметен и сдвиг брачности к более старшим возрастам.

Среди зарубежных исследований на похожую тему стоит отметить работу (Yavuz 2006), где была выявлена более высокая вероятность рождения третьего ребёнка у курдоязычных матерей в Турции по сравнению с туркоязычными (распространённость третьих рождений здесь служит индикатором для определения этапа демографического перехода).

Таким образом, демографические исследования, нацеленные на поиск межэтнических различий на Северном Кавказе, в большинстве своём концентрируются на брачности и рождаемости, при этом тему разводимости обходят стороной. Нам кажется интересной задачей исследовать и различия между народами в разводимости.

Данные и методы

Основными источниками данных в работе являются МП-1994, охватившая 5% населения страны, а также ВПН-2010. Для анализа были выбраны представители крупнейших народов четырёх республик Северо-Кавказского федерального округа: аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины и табасараны в Дагестане, осетины в Северной Осетии, кабардинцы и балкарцы в Кабардино-Балкарии, карачаевцы, черкесы и абазины в Карачаево-Черкесии; черкесы и абазины были объединены, так как два этих народа являются близкородственными и браки между их представителями не являются чем-то необычным и порицаемым. Крупные по численности вайнахские народы – чеченцы и ингуши – были исключены из анализа, так как основным источником в работе является МП-1994, но в Чеченской Республике она не проводилась, а её результаты по соседней Республике Ингушетия вызывают сомнения в связи с крайне непростой обстановкой во время проведения микропереписи.

В расчётах мы не делали разделения на городское и сельское население, так как массовая миграция в города в данном регионе началась во второй половине XX века: жители, опрошенные в городах, значительную часть жизни могли провести в сельской местности, при этом мы не располагаем данными о времени их переезда.

Чтобы показать различия в разводимости между республиками Северного Кавказа и Россией в целом, дополнительно к расчётам накопленной разводимости в работе представлены результаты расчётов специального коэффициента разводимости для России и для исследуемых республик Северного Кавказа на 2002–2003, 2010–2011 и 2021–2022 гг. Данный показатель является отношением числа разведшихся за определённый период к 1000 существующих пар в этот же период и рассчитывается только в годы, близкие к переписи, так как перепись даёт представление о брачной структуре населения. Соответственно, данные о числе пар брали из результатов ВПН-2002 и ВПН-2010 и ВПН-2020, данные о количестве разводов в год – из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) ¹.

¹ Число разводов за год. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). <https://www.fedstat.ru/indicator/31604>

Так как для расчётов по реальным когортам XX века использованы данные МП-1994, охватившей 5% населения страны, дополнительно к показателю накопленной разводимости были рассчитаны доверительные интервалы с 95%-ным уровнем значимости.

Рассчитанные в данной работе показатели накопленной разводимости – это отношение числа разведшихся в определённом возрасте лиц одного пола к численности когорты соответствующего пола, по сути, это накопленный опыт развода к определённому возрасту. МП-1994 примечательна тем, что в ходе анкетирования в блоке, касающемся семейного положения, респондентам задавали вопрос о годе и месяце наступления различных демографических событий, в том числе первого брака и первого развода. Это выгодно отличает данную микроперепись от следующей микропереписи 2015 г. (которая кроме того была проведена не совсем корректно в отношении формирования выборки (Пьянкова, Щербакова, Васин 2018)) и всех Всероссийских и Всесоюзных переписей. Для анализа по МП-1994 были выбраны три десятилетние когорты реальных поколений: 1939–1948, 1949–1958 и 1959–1968 годов рождения (г.р.). Размер когорт в десять лет объясняется малым количеством респондентов (микроперепись охватила примерно 5% населения): он позволяет уменьшить размер доверительного интервала. «Некруглые» даты рождения в десятилетних интервалах объясняются «кратностью» возрастов респондентов: все члены трёх указанных когорт к моменту МП-1994 достигли 45, 35 и 25 лет соответственно. При изучении ещё более старших когорт (родившихся до 1939 г.) непременно возник бы вопрос дожития. Количество респондентов каждого этноса, проживающих в «родном» регионе на момент проведения микропереписи, указано в таблице 1.

Таблица 1. Численность респондентов – представителей этносов в своих исторически родных регионах, включённых в исследование, в выборке МП-1994, по полу и годам рождения

Этнос	1939–48 г.р.		1949–58 г.р.		1959–68 г.р.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Аварцы	832	815	1447	1638	2156	2395
Даргинцы	430	465	769	884	1145	1241
Кумыки	432	469	758	860	955	1067
Лакцы	129	186	270	276	330	387
Лезгины	686	748	1410	1598	1884	1904
Табасараны	151	122	242	297	322	415
Осетины	863	1001	1185	1236	1646	1626
Кабардинцы	800	888	1143	1193	1690	1715
Балкарцы	130	126	252	302	337	281
Карачаевцы	252	300	485	503	624	671
Черкесы и абазины	140	162	245	235	309	269

Источник: МП-1994.

МП-1994 даёт возможность сравнить разводимость у исследуемых этносов и выявить между ними различия для трёх когорт. Чтобы доказать устойчивость межэтнических различий в разводимости в XXI веке, можно обратиться к трём источникам: Всероссийским переписям (ВПН) 2002 и 2010 г., а также микропереписи 2015 г. (МП-2015) (на момент написания основной части данной работы полные результаты переписи 2021 г. ещё не известны), так как только с их помощью можно выяснить этническую принадлежность разведённых: в данных текущей статистики указания этничности нет. МП-2015 была проведена с серьёзными ошибками уже на уровне выборки: например,

по её результатам самым урбанизированным федеральным округом оказался как раз Северо-Кавказский: 71,8% городского населения, в то время как текущая статистика на 1 января 2016 г. показала 49,1%, что наоборот, является самым низким показателем по федеральным округам (Пьянкова, Щербакова, Васин 2018). ВПН-2002 была проведена всего восемь лет спустя МП-1994, которую мы используем для исследования разводимости в XX веке – это небольшой промежуток времени; дополнительно, результаты ВПН-2002 достать сложнее, чем результаты ВПН-2010. Таким образом, методом исключения была оставлена ВПН-2010. Хотя к её результатам в республиках Северного Кавказа у исследователей тоже есть вопросы касательно надёжности (Андреев 2012; Мкртчян 2019), у нас нет оснований полагать, что искажения затрагивали только отдельные этносы, соответственно, межэтнические контрасты по разводимости тоже не должны быть смещены.

Стоит сразу оговориться насчёт возможности сравнения показателей разводимости на основе МП-1994 и ВПН-2010. Как уже упоминалось выше, МП-1994 благодаря вопросам о конкретных годе и месяце смены брачного статуса позволяет нам получить информацию о точном возрасте, в котором человек развёлся. Напротив, ВПН-2010 способна показать брачный статус только на момент переписи: мы не можем знать, в каком возрасте развелась, например, женщина, которая была в разводе в свои 32 года на момент переписи (возможно, это случилось месяц назад, а возможно – 10 лет назад). В связи с этим мы рассчитаем длительность пребывания в состоянии развода (официального и неофициального) в возрасте 16–49 лет по состоянию на 1994 г. и на 2010 г. для мужчин и для женщин – такой показатель продемонстрирует различия в разводимости у условных когорт, он не подвержен влиянию возрастной структуры.

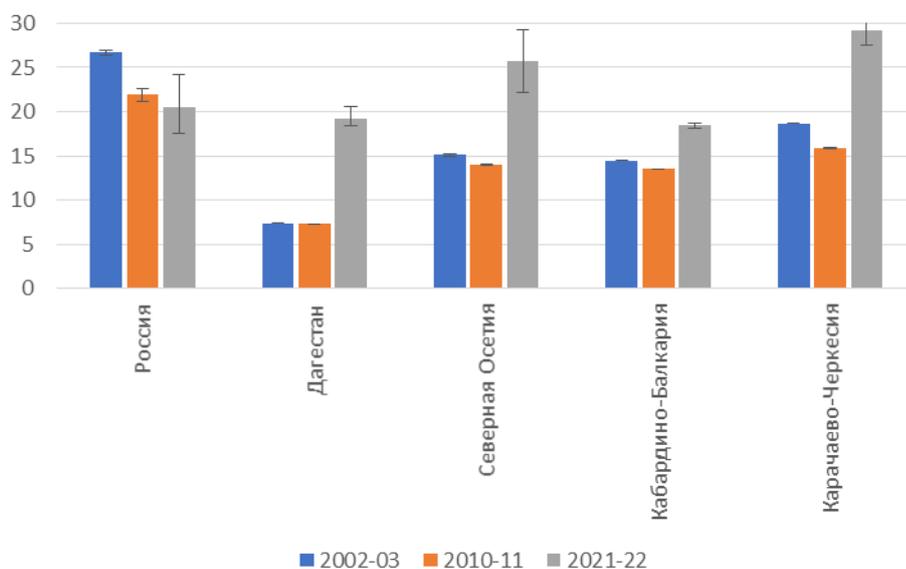
Результаты

Разводы на Северном Кавказе в начале XXI века

На рисунке 1 показаны расчёты специального коэффициента разводимости (СКР; отношение числа разводов за определённый период к 1000 существующих пар в этот же период, рассчитывается только в годы, близкие к переписи) для регионов Северного Кавказа в сравнении с Россией в целом. В качестве знаменателя использовано число официальных браков без учёта незарегистрированных союзов, доверительные интервалы построены на основе отнесения *всех* не указавших брачное состояние к находящимся в официальном браке либо вне брака. СКР показаны для 2002–2003 и 2010–2011 и 2021–2022 гг., так как в открытом доступе отсутствуют данные по числу разводов до 1990 г. для регионов РСФСР. Заметно, что жители северокавказских республик в начале XXI века разводились реже, чем жители России в целом, особенно выделяется Дагестан – в 2002–2003 гг. СКР в данной республике был в 3,6 раза ниже, чем в России, в 2010–2011 гг. – в 3 раза. В случае Кабардино-Балкарии и Северной Осетии СКР в 2002–2003 гг. был ниже среднероссийского в 1,8 раза, в 2010–2011 гг. – в 1,6 раза; в Карачаево-Черкесии показатель был ниже среднероссийского в 1,4 раза в указанных годах. Как уже упоминалось ранее, к данным показателям следует относиться с осторожностью ввиду не слишком качественно проведённых переписей; тем не менее они могут дать нам представление о более низкой разводимости на Северном Кавказе по сравнению с остальной Россией, по крайней мере в первом десятилетии XXI века.

Что же касается СКР в 2021–2022 гг., то здесь мы видим совершенно аномальный рост показателя в республиках при его снижении в России в целом; совсем невероятно выглядит рост в Дагестане (в 2,6 раза за 11 лет), Северной Осетии и Карачаево-Черкесии (рост в 1,8 раза в обоих случаях). Причиной здесь является введение летом 2021 г. ежемесячных денежных выплат для родителей-одиночек с детьми (официально – на основе семейного дохода), в результате чего семьи стали массово расторгать официальный (светский) брак, не нарушая религиозный/традиционный брак и фактически оставаясь в сожительстве и получая прибавку к семейному доходу².

Рисунок 1. Специальный коэффициент разводимости для России и некоторых республик Северного Кавказа, отношение числа разводов к числу зарегистрированных браков

Источник: Рассчитано автором на основе ЕМИСС, (Росстат 2003; 2011; 2022).

Анализ межэтнических различий в разводимости на основе данных микропереписи населения России 1994 г.

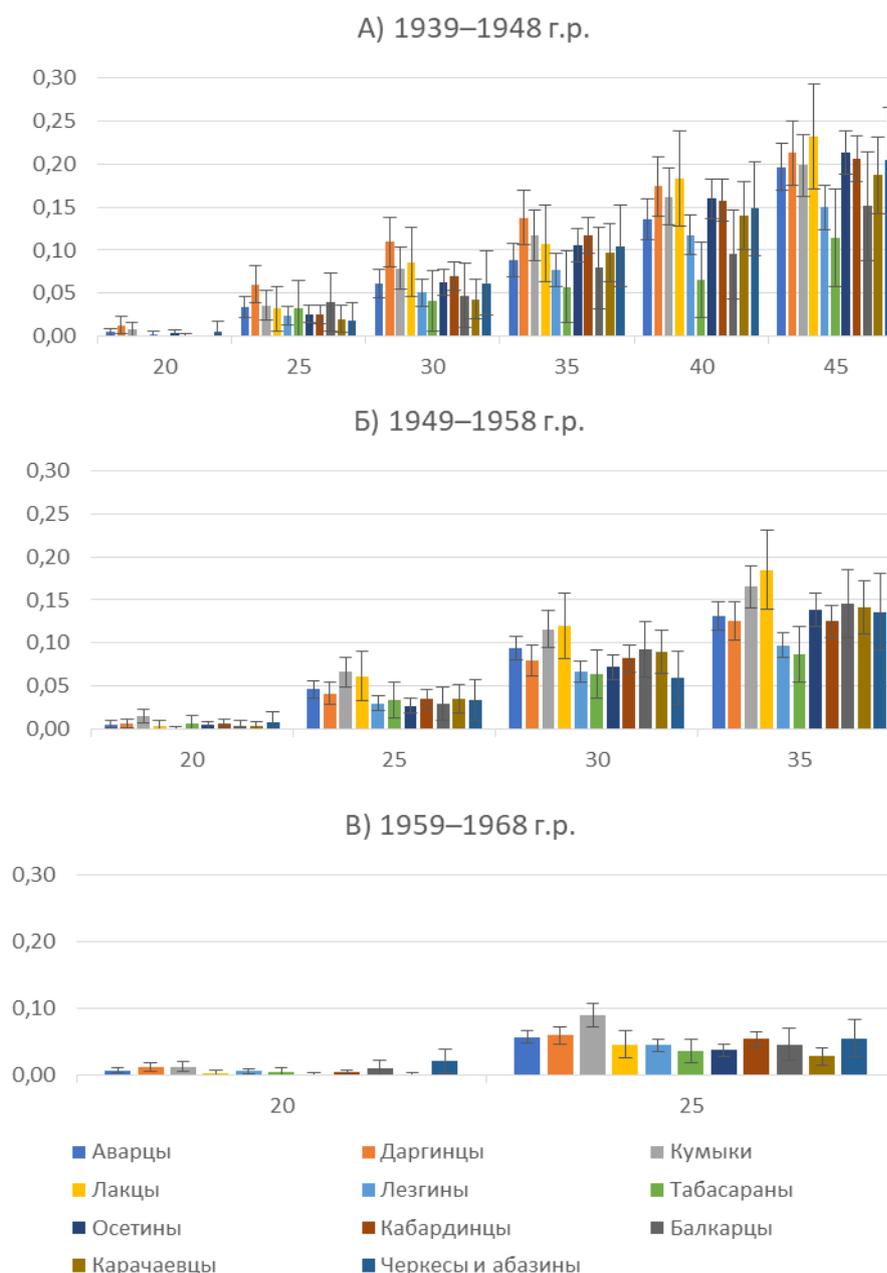
На рисунках 2А–В показана накопленная разводимость женщин трёх реальных когорт в этническом разрезе. По оси ОХ показан возраст по пятилетним возрастным интервалам, ось ОУ отображает показатель накопленной разводимости. Накопленная разводимость исследуемых женских когорт дополнительно отражена в таблицах П1–П3 Приложения.

Небольшая разница в показателе накопленной разводимости не позволяет сделать однозначной оценки для женщин в возрастах до 25 лет. К 30-летнему возрасту уже становится заметным контраст даргинок по сравнению с лезгинками, аварками и табасаранками, сохраняется такая картина и к 35 годам; также накопленная к 30 годам разводимость у даргинок выше, чем у представительниц двух недагестанских народов – осетинок и карачаевков. Причины относительно высокой доли даргинок, имевших опыт развода, объяснить сложно – возможно, причина кроется в особенностях выборки.

² На российском фоне бурный рост разводов в регионах Северного Кавказа в 2022 г. выглядит аномальным (Шукюров 2023).

К 40 годам заметно растёт доля разведшихся у всех народов, кроме табасаранского – большую по сравнению с ними накопленную разведимость к данному возрасту показывают все дагестанские народы, кроме лезгинского (доверительный интервал не позволяет сделать однозначной оценки); большую по сравнению с табасаранками разведимость показывают и осетины с кабардинками – у остальных недагестанских народов довольно большие доверительные интервалы. К 45 годам данные межэтнические различия сохраняются, дополнительно становится заметным «отставание» по разводимости представительниц лезгинского народа от всех остальных народов Дагестана, а также осетинок и кабардинок.

Рисунок 2. Накопленная разведимость у женских когорт 1939–1968 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

В средней когорте (1949–1958 г.р.) уже не наблюдается «лидерства» даргинок, но к 25 годам можно заметить более высокую долю разведшихся кумычек по сравнению с лезгинками, осетинками, кабардинками и балкарками; большую разводимость, чем у лезгинок, показывают и аварки. К 30 годам у кумычек доля разведённых женщин снова больше по сравнению с даргинками, лезгинками и табасаранками, а также осетинками, кабардинками и черкешенками. Одновременно можно заметить похожую на кумыкскую динамику накопленной разводимости у лачек, однако в связи с малым числом лакских женщин велик доверительный интервал. К 35 годам различия между народами Дагестана в когорте 1949–1958 г.р. наиболее велики: накопленная разводимость у представительниц кумыкского и лакского народов становится большей, чем у всех остальных народов республики; дополнительно можно отметить большую накопленную разводимость у аварок по сравнению с лезгинками. Межэтнические различия между народами Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии определить нельзя из-за высоких значений доверительных интервалов.

В самой младшей когорте (1959–1968 г.р.) некоторые различия по доле разведшихся наблюдаются уже в 20 лет, однако доля разведшихся к этому возрасту женщин ещё слишком мала у представительниц всех народов – почти нигде она не превышает 2%. К 25 годам же хорошо заметна более высокая доля разведшихся среди кумыкских женщин по сравнению с остальными (кроме черкешенок и абaziнок – в их случае получился слишком большой доверительный интервал). Дополнительно можно отметить большой показатель накопленной разводимости к 25 годам у аварок и даргинок по сравнению с осетинками, кабардинками и карачаевками – возможно, у представительниц трёх последних народов более поздняя брачность. Также заметна более высокая доля разведшихся среди осетинок и кабардинок по сравнению с карачаевками.

Теперь обратимся к мужским когортам (рисунок 3А–В, см. также таблицы П4–П6 Приложения). У мужчин каждого из исследуемых народов показатели разводимости ниже, чем у женщин в тех же возрастах, так как мужчины вступают в брак в более старшем возрасте – соответственно и при расторжении брака мужчина оказывается старше. Так как в данной работе исследуются межэтнические, а не гендерные различия в разводимости, для удобства анализа в диаграммах для мужчин берётся меньшая шкала по оси ОУ, чем в диаграммах для женщин.

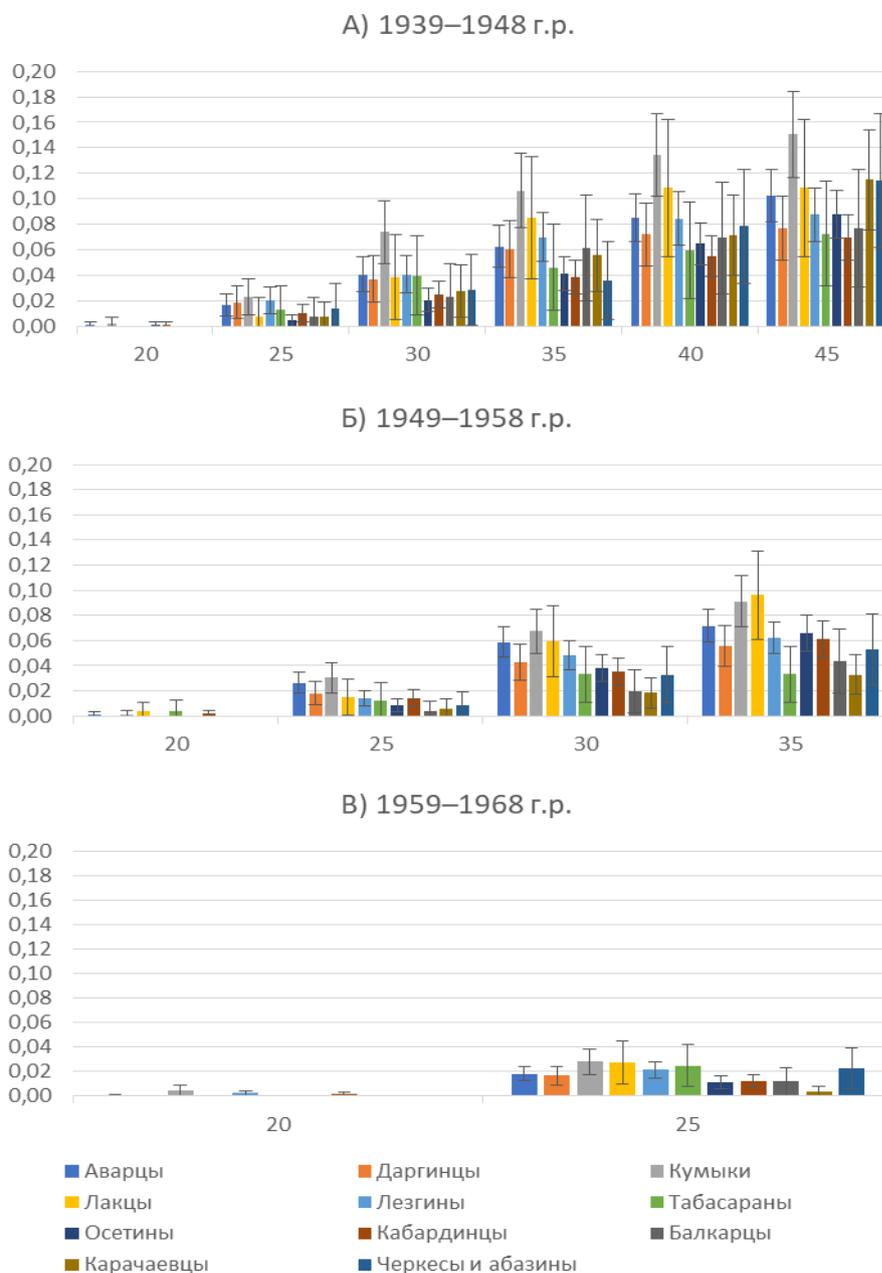
В самой старшей мужской когорте (1939–1948 г.р.) различия в разводимости незаметны как минимум до 25 лет, с учётом доверительных интервалов о различиях можно говорить примерно с 35-летнего возраста: тогда становится заметной более высокая, чем у остальных народов Дагестана, разводимость кумыков, она сохраняется и в последующих возрастах. Говорить о различиях в накопленной разводимости между другими народами не приходится из-за малой выборки и высокого разброса доверительных интервалов.

В средней когорте (1949–1958 г.р.) к 35 годам снова заметно «лидерство» кумыков по накопленной разводимости. Самое низкое значение у табасаран, оно может косвенно говорить о более низкой разводимости у этого народа и в предыдущей, более старшей когорте, где у них также была относительно низкая разводимость, но слишком большой доверительный интервал. Среди недагестанских народов можно отметить более высокую разводимость у осетин и кабардинцев по сравнению с карачаевцами к 30 годам, этот контраст заметен и в 35-летнем возрасте. Небольшое число балкарцев, а также черкесов и

абазин снова не позволяет сделать однозначных выводов: здесь получаются слишком большие доверительные интервалы.

Самая младшая мужская когорта (1959–1968 г.р.) охватывает возраста до 25 лет и не позволяет выделить различия в накопленной разводимости у дагестанских народов – пусть и снова выделяются более высокие значения накопленной разводимости у осетин и кабардинцев по сравнению с карачаевцами, но эта разница ничтожно мала. Тем не менее на основе анализа предыдущих когорт можно предположить у карачаевцев либо более консервативное отношение к браку, либо более высокий возраст вступления в брак.

Рисунок 3. Накопленная разводимость у мужских когорт 1939–1968 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

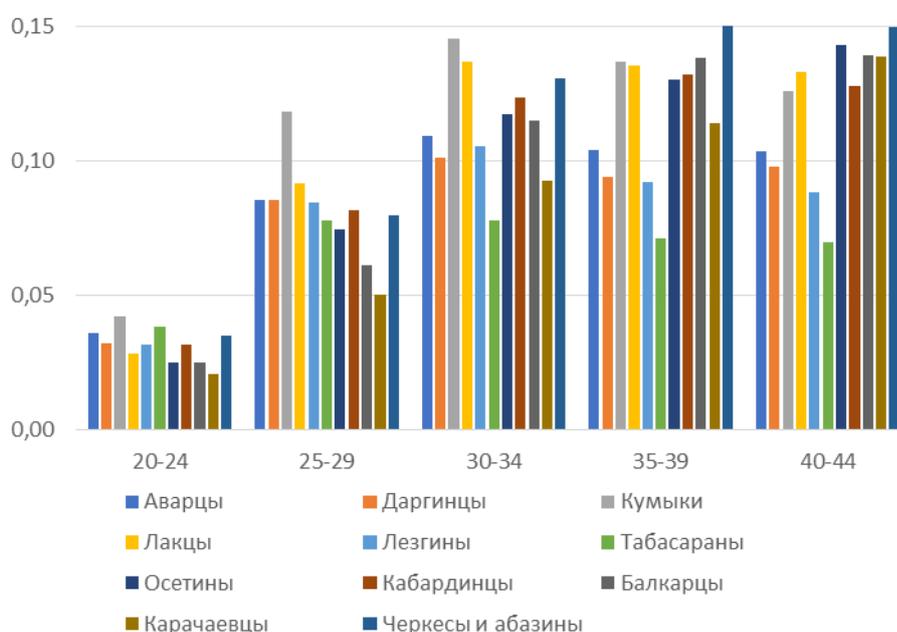
Таким образом, среди женских когорт стоит выделить более высокую разводимость у кумычек и лачек по сравнению с лезгинками и табасаранками, а также высокую разводимость у осетинок и кабардинок по сравнению с представительницами карачаевского народа.

У мужчин также выделяются кумыки по сравнению с лезгинами и табасаранами, а вот заявить что-то про разводимость лакцев не представляется возможным из-за значений доверительных интервалов. У народов не из Дагестана высокой разводимостью снова выделяются осетины и кабардинцы по сравнению с карачаевцами.

Насколько межэтнические различия в разводимости сохранились на начало XXI века

Чтобы определить, сохранились ли межэтнические различия в разводимости у изучаемых народов в начале XXI века, обратимся к расчётам доли разведённых на момент ВПН-2010. В отличие от МП-1994, в случае с ВПН-2010 у нас нет точной информации о годе и месяце развода – соответственно, посчитать накопленную разводимость на основе данного источника мы не можем. Вместо этого у нас есть возможность сравнить у представителей различных народов долю разведённых в одинаковых возрастах на определённую дату, в данном случае – на 14 октября 2010 г. (критический момент переписи).

Рисунок 4. Доля разведённых женщин по пятилетним возрастным группам на момент переписи 2010 г. по отдельным народам Северного Кавказа

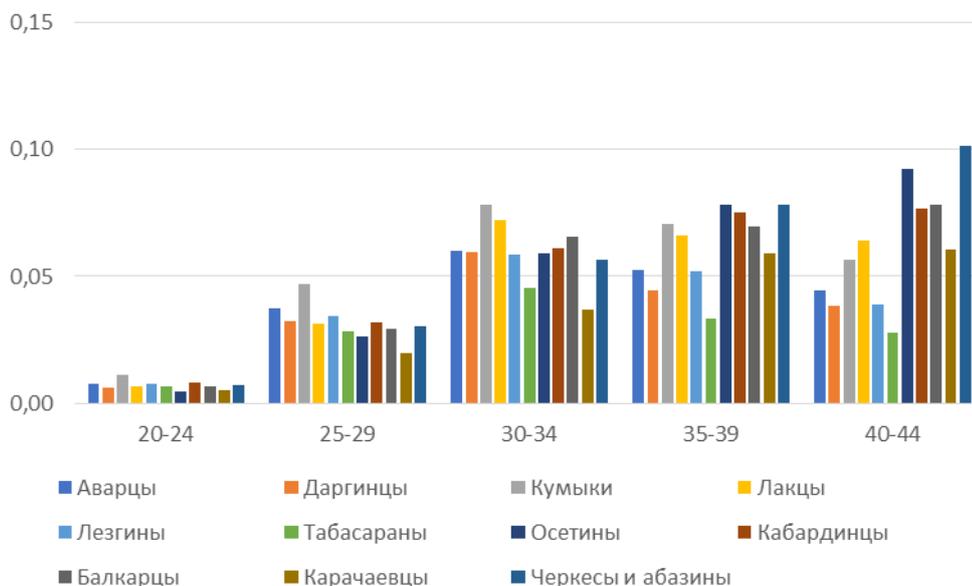

Источник: Рассчитано автором по данным (Росстат 2011).

На рисунках 4 и 5 отображена доля находящихся в разводе (официальном и неофициальном) женщин и мужчин народов Северного Кавказа, живущих в «родном» для них регионе и с разбивкой по возрастам. Разница в доле разведённых между мужчинами и женщинами у всех народов в одинаковых возрастных группах объясняется более ранним вступлением женщин в брак; в межэтническом же разрезе наблюдаются одинаковые паттерны как у мужчин, так и у женщин. Среди народов Дагестана заметно большей долей разведённых отличаются кумыки (во всех возрастных группах) и лакцы – группа 30–34 лет и более старшие. Наиболее низкую долю находящихся в разводе показывают табасараны

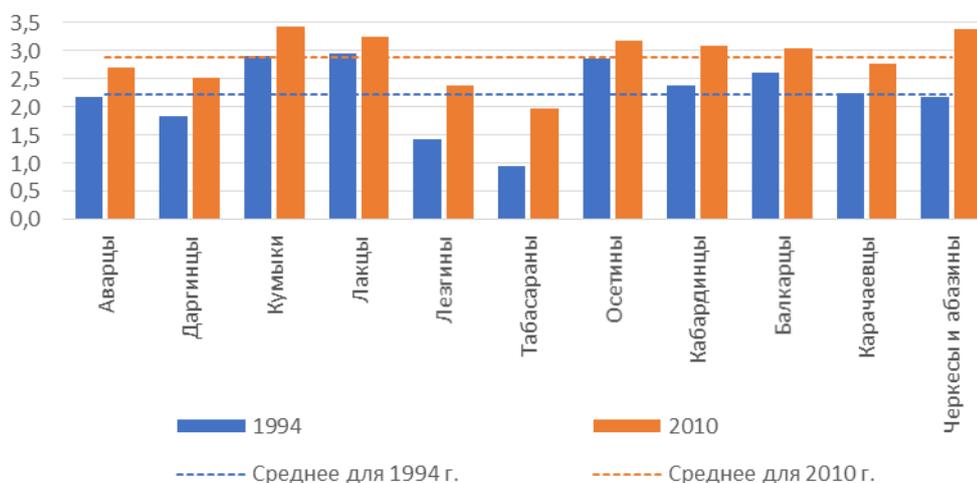
(группа 30–34 лет и более старшие). Между аварцами, даргинцами и лезгинами значительных различий не наблюдается ни в одной из возрастных групп у обоих полов. Среди народов других трёх республик относительно низкой долей разведённых выделяются представители карачаевского народа, причём различия наблюдаются даже в «молодой» группе 25–29 лет. Дополнительно можно отметить большую долю разведённых среди мужчин 40–44 лет у осетин и черкесов по сравнению с кабардинцами, балкарцами и карачаевцами. Интересным является и тот факт, что доля разведённых у мужчин и у женщин практически не различается между возрастными группами старше 29 лет.

Рисунок 5. Доля разведённых мужчин по пятилетним возрастным группам на момент переписи 2010 г. по отдельным народам Северного Кавказа

Источник: Рассчитано автором по данным (Росстат 2011).

Рисунок 6. Длительность пребывания в разводе (официальном и неофициальном) у женщин 16–49 лет по отдельным народам Северного Кавказа

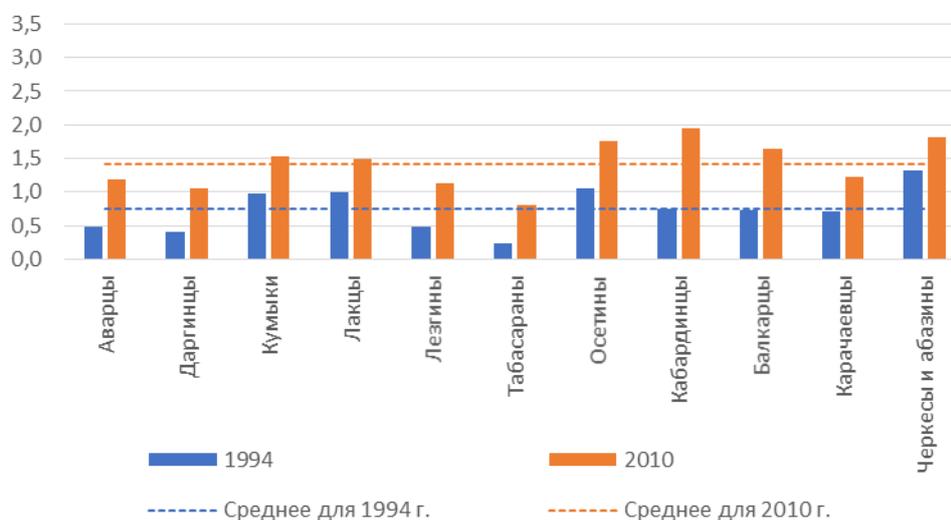

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994, (Росстат 2011).

Для дополнительного анализа разводимости в 2010 г. можно обратиться к расчётам средней ожидаемой продолжительности пребывания в состоянии развода для мужчин и женщин (рисунки 6 и 7, продолжительность пребывания в других брачных состояниях можно посмотреть в таблицах П7–П10 Приложения). Данный показатель не зависит от возрастной структуры населения, однако отражает ситуацию для условного поколения, так как расчёт ведётся для определённого момента времени (перепись населения), в текущей работе продолжительность пребывания в разводе и других брачных состояниях была рассчитана для возрастов с 16 по 49 лет и без учёта смертности.

Наименьшую продолжительность пребывания в разводе в 1994 г. у обоих полов снова показывают табасараны: всего 1 год из 34-х при среднем значении 2,2 года у женщин и 0,2 года при среднем 0,7 года у мужчин; относительно высокие значения среди народов Дагестана – у кумыков и лакцев (соответственно 2,9 и 3,0 года в разводе у женщин и по 1,1 года у мужчин из 34-х). Здесь интересным фактом является то, что у лакцев одновременно наблюдается наименьшая среди народов Дагестана продолжительность пребывания в браке (таблицы П7–П8 Приложения) – у женщин на 1,4 года меньше по сравнению с кумычками, у мужчин – на 2,5 года меньше, чем у кумыков. Вместе с дóльшим пребыванием вне брака у лакцев такие результаты говорят о более позднем вступлении в брак у лакцев и согласуются с расчётами среднего возраста вступления в брак в предыдущих исследованиях (Казенин, Сороко 2021). Среди недагестанских народов в 1994 г. наиболее долгим пребыванием в состоянии развода выделяются осетинки среди женщин – 2,9 года, среди мужчин – осетины (1,1 года) и черкесы с абазинами (1,3 года).

Рисунок 7. Длительность пребывания в разводе (официальном и неофициальном) у мужчин 16–49 лет по отдельным народам Северного Кавказа

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994, (Росстат 2011).

В 2010 г. межэтнические различия также сохраняются: наибольшее пребывание в состоянии развода у кумыков и лакцев (3,4 и 3,2 года соответственно у женщин, по 1,5 года у мужчин), наименьшее у табасаран (2,0 года у женщин при среднем значении 2,9 года, и 0,8 года у мужчин при среднем 1,4 года). Однако тут же становится заметным и движение к конвергенции – наименьший рост показателя между 1994 и 2010 г. у кумыков и лакцев, наибольший у табасаран. Аварцы, даргинцы и лезгины в 1994 и в 2010 г. находятся где-то посередине. В других трёх республиках различия в длительности пребывания в разводе

также сократились у всех народов, кроме карачаевцев. В 2010 г. карачаевцы (и мужчины, и женщины) по длительности пребывания в разводе похожи скорее на аварцев, даргинцев и лезгин, нежели на своих «соседей» по республике черкесов и абазин или родственных этнически балкарцев. Такое положение дел подтверждает выводы о большей консервативности семейных отношений у карачаевского народа (Казенин 2019; Казенин, Сороко 2021).

Выводы и дискуссия

Для России в целом характерен очень высокий на мировом фоне уровень разводимости, утвердившийся с последней трети двадцатого века (Чурилова, Захаров 2021), но на Северном Кавказе показатели разводимости заметно ниже. Более высокие значения разводимости замечены у недагестанских народов (осетины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы и абазины), что может быть связано с их более ранней миграцией в города; среди дагестанских народов большие показатели разводимости также демонстрируют те народы, у которых миграция с гор на равнину началась раньше (случай с «лидерами» кумыками и лакцами и «аутсайдерами» лезгинами и табасаранами в Дагестане). Здесь же можно вспомнить и различия в доле имеющих работу и профессиональное образование женщин у разных народов Дагестана, что также является индикатором демографической модернизации. При наличии профессионального образования и работы женщина становится более независимой, а значит, несёт меньшие риски в случае развода (Kazenin, Kozlov 2023). Например, среди табасаранок по результатам анализа ВПН-2010 заметно меньше имеющих работу по сравнению с представительницами других народов Дагестана и одновременно выше вероятность рождения третьего ребёнка (Там же). Наши результаты показывают, что среди табасаранцев и табасаранок наблюдается и меньшая доля лиц, имевших опыт развода по сравнению с другими народами.

Различия в разводимости отмечаются как у мужчин, так и у женщин, и они похожи на различия в брачности: как правило, меньшая доля разводов наблюдается у этносов с более ранним вступлением в брак (см. результаты (Казенин, Сороко 2021)). Здесь снова выделяются табасаранцы с ранней брачностью (Там же) и одновременно небольшой долей имевших опыт развода, и лакцы с относительно поздней брачностью (Там же) и заметно большей долей разведшихся. У народов из других исследуемых в статье республик Северного Кавказа связь с возрастом вступления в брак не так очевидна: например, у карачаевцев при более позднем вступлении в брак относительно кабардинцев и черкесов с абазинами (Там же) не наблюдается большей разводимости. Предыдущие исследования показывают, что у карачаевцев сегодня хорошо сохраняются и действуют традиционные семейные нормы (Казенин 2019). Дополнительно в качестве результатов отметим более ранний возраст при разводе у женщин по сравнению с мужчинами вне зависимости от этнической принадлежности вследствие более ранних браков у женщин.

По всей видимости, контрасты в разводимости у народов Северного Кавказа, наблюдаемые во второй половине XX века, сохраняются и в начале XXI века. Тем не менее мы осторожно выдвигаем гипотезу о движении в сторону конвергенции на основе изменения в длительности пребывания в состоянии развода в возрастах 16–49 лет: большой рост показателя между 1994 и 2010 г. наблюдается у народов с более низкой «базой». Однако о полной конвергенции говорить не приходится – причиной может быть

сохраняющаяся этническая сегрегация среди народов Северного Кавказа даже в таких крупных городах, как Махачкала (Карпов, Капустина 2011).

Литература

- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации. *Вопросы статистики*, 11, 21-35.
- Белозеров В.С. (2005). Этническая карта Северного Кавказа. Москва: ОГИ.
- Богоявленский Д.Д. (2008). Все ли российские народы верно посчитали? *Демоскоп Weekly*, 319–320. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php>
- Богоявленский Д.Д. (2012). Перепись 2010: этнический срез. *Демоскоп Weekly*, 531–532. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php>
- Захаров С.В. (2008). Браки и разводы. В А.Г. Вишневский (Ред.), *Население России: четырнадцатый ежегодный демографический доклад* (с. 71-97). Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r06/sod_r.html
- Казенин К.И. (2019). Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии? *Демографическое обозрение*, 6(3), 98-127. <https://demreview.hse.ru/article/view/9857>
- Казенин К.И., Козлов В.А. (2016). Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты обследования сельского населения). *Демографическое обозрение*, 3(3), 100-123. <https://demreview.hse.ru/article/view/1748>
- Казенин К.И., Козлов В.А. (2017). Особенности брачно-репродуктивного поведения населения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия. *Вестник Института экономики РАН*, 2, 65-81.
- Казенин К.И., Сороко Е.Л. (2021). Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа. *Демографическое обозрение*, 8(2), 95-127. <https://demreview.hse.ru/article/view/12784>
- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.А. (2011). Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. С.-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Мкртчян Н.В. (2019). Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 7-22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>
- Пьянкова А.И., Щербакова Е.М., Васин С.А. (2018). Микрпереписи населения России: прошлое, настоящее и будущее. *Демографическое обозрение*, 5(2), 61-102. <https://demreview.hse.ru/article/view/7935>
- Росстат (2003). *Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Том 2 «Возрастно-половой состав и состояние в браке»*. Таблица 4 «Население по полу, возрастным группам и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации» http://www.perepis2002.ru/ct/doc/_02-04_.xls

- Росстат (2011). *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке». Таблица 5 «Население по возрастным группам, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации». https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-05.xlsx
- Росстат (2022). *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года.* Том 2 «Возрастно-половой состав и состояние в браке». Таблица 5 «Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации». https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab5_VPN-2020.xlsx
- Сороко Е.Л. (2016). Этнический состав населения и межэтнические браки в России по данным переписей населения. В С.В. Захаров (Ред.), *Население России: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад (с. 160-185)*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html
- Стародубровская И.В. (2019). Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 39-56. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>
- Ткаченко А.А. (Ред.) (2013). *Демографическая энциклопедия*. Москва: Энциклопедия.
- Чурилова Е.В., Захаров С.В. (2021). Тенденции прекращения первых брачно-партнерских союзов в России. *Вопросы статистики*, 28(2), 54–66. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-54-66>
- Шукюров А. (2023). В прошлом году россияне заключили 136 тысяч «избыточных браков». Исключение – регионы Северного Кавказа, жители которых стали массово разводиться. Вот что изменилось. (Как на брачное поведение россиян повлияли ковид, мобилизация и новые пособия). *Если быть точным*. 7 июля 2023. <https://tochno.st/materials/v-proshlom-godu-rossiyane-zaklyuchili-136-tysyach-izbytochnykh-brakov-isklyuchenie-regiony-severnogo-kavkaza-zhiteli-kotorykh-stali-massovo-razvoditsya-vot-cto-izmenilos>
- Bongaarts J. (1999). The fertility impact of changes in timing of childbearing in developing world. *Population Studies*, 53(3), 277-289. <https://doi.org/10.1080/00324720308088>
- Härkönen J., Billingsley S., Hornung M. (2020). Divorce trends in seven countries over the long transition from state socialism: 1981–2004. In D. Mortelmans (Ed.) *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups* (pp. 63-89). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2_4
- Kazenin K., Kozlov V. (2023). Ethnicity and fertility of descendants of rural-to-urban migrants: the case of Dagestan (North Caucasus). *Journal of International Migration and Integration*, 24(1), 69-93. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00848-8>
- Parrado E.A. (2011). How High is Hispanic/Mexican Fertility in the United States? Immigration and Tempo Considerations. *Demography*, 48(3), 1059-1080. <https://doi.org/10.1007/s13524-011-0045-0>
- Philipov D., Dorbritz J. (2003). Demographic consequences of economic transition in countries of central and eastern Europe. *Population studies*, Vol. 45. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Yavuz S. (2006). Completing the fertility transition: Third birth developments by language groups in Turkey. *Demographic Research*, 15 (Article 15), 435-460.
<https://doi.org/10.4054/DemRes.2006.15.1>

Приложения

Таблица П1. Накопленная разводимость у женских когорт 1939–1948 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

	20	25	30	35	40	45
Аварцы	0,005	0,034	0,061	0,088	0,136	0,196
Даргинцы	0,013	0,060	0,110	0,138	0,174	0,213
Кумыки	0,009	0,036	0,079	0,117	0,162	0,198
Лакцы	0,000	0,032	0,086	0,108	0,183	0,231
Лезгины	0,003	0,024	0,051	0,078	0,118	0,150
Табасараны	0,000	0,033	0,041	0,057	0,066	0,115
Осетины	0,004	0,026	0,063	0,106	0,160	0,213
Кабардинцы	0,001	0,026	0,070	0,117	0,158	0,206
Балкарцы	0,000	0,040	0,048	0,079	0,095	0,151
Карачаевцы	0,000	0,020	0,043	0,097	0,140	0,187
Черкесы и абазины	0,006	0,019	0,062	0,105	0,148	0,204

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П2. Накопленная разводимость у женских когорт 1949–1958 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

	20	25	30	35
Аварцы	0,006	0,046	0,094	0,131
Даргинцы	0,007	0,042	0,080	0,126
Кумыки	0,015	0,066	0,116	0,165
Лакцы	0,004	0,062	0,120	0,185
Лезгины	0,001	0,030	0,066	0,098
Табасараны	0,007	0,034	0,064	0,088
Осетины	0,005	0,028	0,072	0,138
Кабардинцы	0,008	0,035	0,082	0,125
Балкарцы	0,003	0,030	0,093	0,146
Карачаевцы	0,004	0,036	0,089	0,141
Черкесы и абазины	0,009	0,034	0,060	0,136

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П3. Накопленная разводимость у женских когорт 1959–1968 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

	20	25
Аварцы	0,008	0,057
Даргинцы	0,012	0,060
Кумыки	0,013	0,090
Лакцы	0,003	0,047
Лезгины	0,006	0,045
Табасараны	0,005	0,036
Осетины	0,002	0,038
Кабардинцы	0,005	0,054
Балкарцы	0,011	0,046
Карачаевцы	0,001	0,028
Черкесы и абазины	0,022	0,056

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П4. Накопленная разводимость у мужских когорт 1939–1948 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

	20	25	30	35	40	45
Аварцы	0,001	0,017	0,041	0,063	0,085	0,102
Даргинцы	0,000	0,019	0,037	0,060	0,072	0,077
Кумыки	0,002	0,023	0,074	0,106	0,134	0,150
Лакцы	0,000	0,008	0,039	0,085	0,109	0,109
Лезгины	0,000	0,020	0,041	0,070	0,085	0,087
Табасараны	0,000	0,013	0,040	0,046	0,060	0,073
Осетины	0,001	0,005	0,021	0,042	0,065	0,088
Кабардинцы	0,001	0,010	0,025	0,039	0,055	0,070
Балкарцы	0,000	0,008	0,023	0,062	0,069	0,077
Карачаевцы	0,000	0,008	0,028	0,056	0,071	0,115
Черкесы и абазины	0,000	0,014	0,029	0,036	0,079	0,114

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П5. Накопленная разводимость у мужских когорт 1949–1958 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

	20	25	30	35
Аварцы	0,001	0,026	0,059	0,072
Даргинцы	0,000	0,018	0,043	0,056
Кумыки	0,001	0,030	0,067	0,091
Лакцы	0,004	0,015	0,059	0,096
Лезгины	0,000	0,014	0,048	0,062
Табасараны	0,004	0,012	0,033	0,033
Осетины	0,000	0,008	0,038	0,066
Кабардинцы	0,002	0,014	0,035	0,061
Балкарцы	0,000	0,004	0,020	0,044
Карачаевцы	0,000	0,006	0,019	0,033
Черкесы и абазины	0,000	0,008	0,031	0,051

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П6. Накопленная разводимость у мужских когорт 1959–1968 г.р. по отдельным народам Северного Кавказа, доля разведшихся к разным возрастам

	20	25
Аварцы	0,000	0,018
Даргинцы	0,000	0,017
Кумыки	0,004	0,028
Лакцы	0,000	0,027
Лезгины	0,002	0,021
Табасараны	0,000	0,025
Осетины	0,000	0,011
Кабардинцы	0,001	0,012
Балкарцы	0,000	0,012
Карачаевцы	0,000	0,003
Черкесы и абазины	0,000	0,023

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П7. Длительность пребывания в брачном состоянии у женщин отдельных народов Северного Кавказа в возрасте 16–49 лет (всего 34 года) по состоянию на 1994 г.

	Никогда не состоял в браке	В браке (зарегистрированном и незарегистрированном)	Разведённые и разошедшиеся	Вдовы
Аварцы	7,9	22,6	2,2	1,3
Даргинцы	7,1	23,6	1,8	1,4
Кумыки	7,5	22,5	2,9	1,1
Лакцы	8,9	21,1	3,0	1,1
Лезгины	6,4	25,0	1,4	1,2
Табасараны	7,0	25,0	1,0	1,0
Осетины	10,0	20,1	2,9	1,1
Кабардинцы	7,8	22,7	2,4	1,1
Балкарцы	11,2	18,8	2,6	1,5
Карачаевцы	12,1	18,4	2,2	1,3
Черкесы и абазины	6,6	23,9	2,2	1,3
Среднее	8,4	22,1	2,2	1,2

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П8. Длительность пребывания в брачном состоянии у мужчин отдельных народов Северного Кавказа в возрасте 16–49 лет (всего 34 года) по состоянию на 1994 г.

	Никогда не состоял в браке	В браке (зарегистрированном и незарегистрированном)	Разведённые и разошедшиеся	Вдовы
Аварцы	10,2	23,1	0,5	0,2
Даргинцы	9,8	23,7	0,4	0,1
Кумыки	9,3	23,6	1,0	0,1
Лакцы	11,8	21,1	1,0	0,0
Лезгины	8,4	25,0	0,5	0,1
Табасараны	7,3	26,4	0,2	0,0
Осетины	13,9	18,9	1,1	0,1
Кабардинцы	10,9	22,2	0,7	0,2
Балкарцы	14,7	18,5	0,7	0,1
Карачаевцы	15,5	17,6	0,7	0,1
Черкесы и абазины	11,2	21,2	1,3	0,3
Среднее	11,2	21,9	0,7	0,1

Источник: Рассчитано автором по данным МП-1994.

Таблица П9. Длительность пребывания в брачном состоянии у женщин отдельных народов Северного Кавказа в возрасте 16–49 лет (всего 34 года) по состоянию на 2010 г.

	Никогда не состояла в браке	В браке (зарегистрированном и незарегистрированном)	Разведённые и разошедшиеся	Вдовы
Аварцы	8,9	21,1	2,7	1,3
Даргинцы	8,3	21,9	2,5	1,2
Лакцы	9,8	19,8	3,2	1,2
Лезгины	8,2	22,4	2,4	1,0
Кумыки	8,0	21,5	3,4	1,1
Табасараны	7,0	24,0	2,0	1,0
Осетины	12,5	17,0	3,2	1,3
Кабардинцы	10,0	19,6	3,1	1,3
Балкарцы	12,1	17,7	3,0	1,2
Карачаевцы	12,2	17,9	2,8	1,2
Черкесы и абазины	10,2	19,1	3,4	1,2
Среднее значение	9,7	20,2	2,9	1,2

Источник: Рассчитано автором по данным (Росстат 2010).

Таблица П10. Длительность пребывания в брачном состоянии у мужчин отдельных народов Северного Кавказа в возрасте 16–49 лет (всего 34 года) по состоянию на 2010 г.

	Никогда не состоял в браке	В браке (зарегистрированном и незарегистрированном)	Разведённые и разошедшиеся	Вдовы
Аварцы	11,5	21,1	1,2	0,2
Даргинцы	10,9	21,9	1,1	0,2
Лакцы	12,4	19,9	1,5	0,2
Лезгины	10,5	22,2	1,1	0,2
Кумыки	10,1	22,2	1,5	0,2
Табасараны	9,5	23,6	0,8	0,1
Осетины	16,2	15,9	1,8	0,2
Кабардинцы	13,1	19,1	1,6	0,2
Балкарцы	15,6	16,6	1,6	0,1
Карачаевцы	16,1	16,5	1,2	0,2
Черкесы и абазины	13,7	18,3	1,8	0,2
Среднее значение	12,7	19,8	1,4	0,2

Источник: Рассчитано автором по данным (Росстат 2010).